

**МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ
НАЗВАНИЙ ДУХОВ-«ХОЗЯЕВ» ЛОКУСОВ
(на материале русских говоров Пермского края)**

Мария А. Гранова

Пермский федеральный исследовательский центр

Уральского отделения Российской академии наук

Пермь, Россия

ORCID ID: 0000-0002-2577-6652

Ключевые слова: народная демонология, банник, домовый, леший, демонологическая лексика, мотивационный анализ, русские говоры, Пермский край

Аннотация. Статья посвящена исследованию функционирующих в русских говорах Пермского края номинаций духов-«хозяев» локусов – банника, домового и лешего. Цель работы – определение мотивационной базы для этих единиц, что предполагает, во-первых, выявление семантических сфер-доноров, единицы которых служат основой для возникновения указанных номинаций, во-вторых – выстраивание мотивационных моделей для образования таких названий. Все это даст возможность обнаружить признаки персонажей, которые вербализуются в их обозначениях. Для решения указанных задач используется метод этнолингвистической интерпретации семантических полей, предложенный Е.Л. Березович. Проведенный анализ позволил установить, что основной мотивационной базой для названий духов-«хозяев» локусов в пермских говорах являются единицы семантической сферы «Человек»; далее по значимости следуют мотивационные сферы «Пространство» и «Демоны», от единиц которых также образуется большое число номинаций данных персонажей; наименее важными для образования рассматриваемых единиц являются сфер «Животное» и «Предмет», а также «Атмосферные явления». В основе пермских номинаций духов-«хозяев» лежат следующие мотивационные признаки: локус духа; демоническая природа персонажей; оборотничество духов; необходимость уважать и задабривать духов пространства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

**MOTIVATIONAL ANALYSIS OF THE NAMES
OF SPIRITS-“MASTERS” OF LOCI**
(based on material from Russian dialects of the Perm Region)

Mariia A. Granova
Perm Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Perm, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2577-6652

Keywords: folk demonology, boggart of the bathhouse, boggart of the house, wood goblin, demonological lexis, Russian dialects, Perm Region

Summary. The article is devoted to the study of nominations of the “master” spirits of the loci (boggart of the bathhouse, boggart of the house, wood goblin) that function in the Russian dialects of the Perm region. The purpose of the work is to determine the motivational base for these units, which involves, firstly, identifying semantic donor spheres, units of which serve as the basis for the emergence of these nominations, and secondly, building motivational models for the formation of such names. Such analysis makes it possible to detect signs of characters that are verbalized in their notation. To solve these problems, we use the method of ethnolinguistic interpretation of semantic fields proposed by E.L. Berezovich. The analysis made it possible to establish that the main motivational basis for the names of the “master” spirits of loci in Perm dialects are units of the semantic sphere “Man”; then, in terms of importance, the motivational spheres “Locus” and “Demons” follow, from the units of which a large number of nominations of these characters are also formed; the least important for the formation of the units under consideration are the spheres “Animal” and “Object”, as well as “Atmospheric phenomena”. The Perm motivations of the “master” spirits are based on the following motivational signs: the locus of the spirit; the demonic nature of the characters; transformation; the need to respect and appease the spirits of space.

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation (project № 19-18-00117 “Traditional culture of Russians in the zones of active interethnic contacts in the Urals and the Volga region”).

Народные демонологические представления славян сегодня по-прежнему вызывают интерес российских и зарубежных ученых. Ведется активное изучение как традиции в целом, так и верований отдельных славянских территорий. Русская демонологическая традиция Пермского края также не остается без внимания исследователей. При этом важное место занимают работы,

выполненные в рамках этнолингвистического и фольклористического подходов и посвященные рассмотрению народных демонологических представлений, отраженных в языке и фольклорном тексте. Сбор лингвистического материала, описывающего народные демонологические представления русских жителей региона, осуществляется с 1980-х гг., часть этих текстов опубликована в виде фольклорно-этнографических сборников (см. список источников для настоящего исследования). Этнолингвистический подход к изучению пермских мифологических верований прослеживается в работах И.И. Русиновой, И.А. Подюкова, М.В. Бобровой, Ю.А. Шкураток и др. (см. например: (Боброва, 2015; Подюков, 2014; Подюков, 2016; Подюков, 2019; Русинова, Гранова, 2016; Русинова, Шкураток, 2018; Русинова, 2019; Русинова 2020; Черных, 2016; Черных, Русинова, Шкураток, 2016)); среди фольклористических работ, посвященных пермской традиции, можно указать статьи С.Ю. Королёвой (см. например: Королёва, 2014; Королёва, Беломестнова, 2018).

Метод и материал

Настоящее исследование носит этнолингвистический характер и посвящено рассмотрению мифологической лексики русских говоров Пермского края, связанной с духами-«хозяевами» локусов, – банником, домовым и лешим. Выбор этих персонажей диктуется тем, что сегодня представления именно об этих демонах не только лучше всего сохраняются в сознании носителей пермской мифологической традиции (в отличие, например, от представлений о русалке), но и активно функционируют в деревенском сообществе и, следовательно, наиболее часто и наиболее развернуто отражаются в мифологических текстах. Отметим также, что мы будем рассматривать не всю пермскую лексику, связанную с данными персонажами, а лишь номинации указанных демонов.

Целью нашей работы является определение мотивирующей базы для названных единиц. Для этого будет использоваться метод этнолингвистической интерпретации семантических полей, предложенный Е.Л. Березович в работе «Язык и традиционная культура» (Березович, 2007). Указанный метод предполагает проведение анализа на двух уровнях. На первом уровне происходит поиск семантических полей, имеющих мотивационные связи с данным, т.е. выявление полей-доноров и полей-реципиентов, а также выяснение логики донорско-реципиентного распределения. На втором уровне

анализа путем обобщения различных номинативных признаков осуществляется определение принципов номинации (там же: 34–42). Отметим, что в рамках настоящей работы мы коснемся только первого уровня анализа: наша задача – выявить сферы-доноры, единицы которых являются базой для возникновения номинаций банника, домового и лешего, а также выстроить мотивационные модели для образования таких названий. Всё это, в свою очередь, позволит понять, какие народные представления о данных персонажах лежат в основе данных номинаций.

Материалом для нашего исследования являются единицы, называющие банника, домового и лешего, взятые из русских мифологических текстов:

а) собранных учеными и студентами филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета во время экспедиционных выездов в различные районы Пермского края; записи хранятся в диалектологическом архиве лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. И.И. Русинова) и в фольклорном архиве лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. С.Ю. Королёва)¹;

б) опубликованных в фольклорно-этнографических сборниках Пермского края;

в) включенных в диалектные словари Пермского края в качестве иллюстративных контекстов.

В этих источниках нами были обнаружены 4 типа номинаций рассматриваемых персонажей: 1) однословные названия (*банник, банничек, бес, лесной, дедушка, жена, соседко*); 2) двухкомпонентные единицы (*дедушка-соседушка, соседушка-батюшка, старушка-домовушка, Соломия-матушка*); 3) двухсловные названия (*лесная баба* (леший), *чёрный мужик* (леший), *малюсенький зверёночек* (домовой), *маленький старичок* (домовой)); 4) неоднословные номинации (*женщина в чёрной юбке и розовой кофте огромных размеров* (леший), *маленькая бабка в сарафане и рубаше, в платочке* (домовой), *маленький седенький человечек с бородой* (домовой)). Отметим, что, поскольку описанный выше метод этнолингвистической интерпретации семантических полей предполагает использование в качестве материала лишь языковых единиц, мы исключаем из анализа единицы последней

---

¹ Материалы фольклорного и диалектологического архивов Пермского государственного национального исследовательского университета [Folklore and dialectological archive of the Perm State University], Пермь. Далее во всех случаях, когда не указан иной источник, мы используем данные этих архивов с пометкой «Материалы» или указанием места записи в скобках.

группы, поскольку такие относительно устойчивые сочетания носят не языковой, а речевой характер. Что касается двухсловных единиц, то в материал для анализа попадут лишь такие сочетания, которые отражают место обитания персонажа (локус) (*лесной дедушка, лесной человек* и под.), поскольку такие сочетания являются в традиции более частотными и более устойчивыми, чем другие неоднословные номинации; кроме того, их семантика не вытекает из простой суммы значений их компонентов (так, *лесной человек* ‘дух-«хозяин» леса’ ≠ *лесной* ‘обитающий в лесу’ + человек ‘представитель вида *Homo sapiens*’). По нашему мнению, такие сочетания, являются терминологическими, т.е. приближены к языковым, поэтому мы включаем их в анализ.

Мотивационная сфера «Пространство»

Итак, перейдем к рассмотрению тематических сфер, единицы которых выступают составляют мотивационную базу для номинаций банника, домового и лешего в пермских говорах.

1. В пермских материалах находим обширную группу слов и словосочетаний, называющих рассматриваемых персонажей по месту их обитания и патронажа. Так, номинации духа-«хозяина» бани часто образуются от корня *-бан-* (*банник, банничек, банница, баннушка, баншик, банна, банная, банный, банна бабушка, банная староста, банный дух, банный хозяин, хозяин бани, батюшка банный царь*); духа-«хозяина» дома – от корней *-дом-* (*домовой, домовая, доминошник, домовёнок, домовик, домовиха, домовуха, домовушка, старушка-домовушка, сусека-домовой, домовой-соседушко, хозяин домовой, хозяйюшка домовая*), *-изб-* (*избушечник*) и *-двор-* (*дворовой*); а духа-«хозяина» леса – от корней *-лес-/леш-* (*лесной, лесочиха, лесовик, лесовичок, леш, леший, лешай, лешак, лешачонок, лешачиха, лесовичок-болотничек, лесная баба, лесной дедушка, лесная бабушка, лесной батюшка, лесной дьявол, лесной дядя, лесной дядька, лесной человек лесной мужик*), *-бор-* (*боровичок*) и *-болот-* (*лесовичок-болотничек, лешачиха болотная*). Приведем несколько контекстов для таких номинаций: *Соседка <...> пошла в баню, разделась уже и слышит: на полке кто-то парит ребенка, ребенок ревет, короче. И венком кто-то парит. А это, говорят, была банница* (Петрецово Черд.) (ББ: 118); *У меня вот свекровь ходит в баню, у меня вот муж говорит, она к нам заходит в баню, дверь открывает: «Здравствуй, банничок». <...> И потом, когда выходит: «До свиданья, банничок». Всегда вот так вот.*

*Здоровается, чтобы он её хорошо принял, она с ним здоровается. «До свиданья, **банничек**, помыл меня» (Северный Коммунар Сив.); **Домношник**-от кажну ночельку ко мне приходит (Фоки Чайк.) (СРГЮП 1: 243); *А если прялку ставят на ночь, то придёт домовик* (Пожва Юсв.) (Русские: 235); *В доме **старушка-домовушка** живет* (Редикор Черд.) (ББ: 92); *Вот не будешь дом в порядке держать – **избушечник** тебя невзлюбит и из дому выгонит* (Русский Сарс Окт.) (СРГЮП 1: 345); *Был Ленька парень. Зашел он в болото и ходил пять суток вокруг. Петухов слышит, а выйти не может. А Машка мне говорила, что надо пирог с рыбой испечь, пихту разорвать пополам и подложить **дедушке лесному**. [Как он выглядит?] А кто его знает. Была Марья – женищина полевая, так она зналась с **лесовиком**, а как, не знаю (Ильин.); *Кто-то поехал в лес по дрова. Ну и видели лесную бабу* (Девяткино Сив.); [Нам рассказывали, что леший выше леса.] [И1:] *Нет, нет, такого мы не слышали.* [И2:] *Нет. Ну вот по картинкам там маленький мужичок сидит на пенёчке.* [И1:] **Боровичок**. (Северный Коммунар Сив.); *Обычно вот, когда щас вот ходим мы в болото, дак я то конфетку возьму, скажу: «На тебе, **лесовичок-болотничек**...»* (Усть-Зула Юрл.).**

В подобных номинациях отражается значимое для носителей пермской традиции общеславянское представление о том, что духи локусов – это «мифологические персонажи, обитающие в определенном пространстве (доме, хозяйственной постройке, лесу, водоеме, поле, месте нахождения клада и под.) и имеющие функцию хозяина, опекуна или защитника своей сферы обитания» (Левкиевская, 1999а: 155), поэтому в основе номинаций для рассматриваемых персонажей часто лежат единицы мотивационной сферы «**Пространство**». При этом, по пермским представлениям, домовый часто является хозяином не только собственно жилища человека, но и двора, а леший – покровителем не только леса, но и болота (которое находится в лесу); в этом смысле пермские верования совпадают с общеславянскими. Мотивационная модель в рассматриваемом случае выглядит как 'локус' → 'дух-«хозяин» локуса' и проявляется на уровне словообразования.

Мотивационная сфера «Демоны»

2. Другую относительно большую группу номинаций духов-«хозяев» в пермских говорах составляют единицы, образованные от названий представителей нечистой силы, относящихся к мотивационной сфере «**Демоны**». К этой группе отнесем следующие

названия рассматриваемых персонажей: *бес*, *чёрт*, *дьявол* (все духи), *лесной дьявол* (леший), *сатана* (леший), *бесишко* (домовой, леший), *чёртёнок* (домовой), *чёртик* (банник), *чертовка* (банник), *шайтан* (леший), *ишии* (банник, домовой), *ишиок* (домовой), *злой дух* (леший), *нечистый дух* (все персонажи), *нечистый* (банник, леший), *нечистик* (леший), *нечисть* (домовой, леший), *нечистая сила* (домовой, леший), *отпадшая сила* (леший), *непонятная сила* (леший), *окаянный* (леший), *Митька окаянный* (банник), *окаянник* (домовой). Приведем примеры: *Маленьки ишии в бане живут под полом или потолком* (Юрл.) (Русские: 237); *Хто там в бане то сидел – чёртик какой-нибудь* (С. Коммунар Сив.); *Сусед-то бес, бесишко он* (Печинки Черд.) (ББ: 112); *Отец мой не верил в нечисть, но сказывал, что видел как-то, как суседка пряжу из сундука плела* (Ничково Краснов.) (ВС: 27); *Леший в лесу живёт, это дьявол лесной* (Б. Долды Черд.) (ББ: 60–61); *Лесной так тож де сатана какой-то* (Кеуда) (КБ: 16).

Активное использование общих названий демонов в качестве номинаций духов-«хозяев» отражает важность для носителей пермской традиции верования о том, что рассматриваемые персонажи являются представителями «нечистой силы».

Мотивация в этом случае проявляется на уровне семантики. В целом лексические единицы *бес* / *чёрт* / *дьявол* / *сатана* и пришедшее из мусульманской культуры слово *шайтан* обозначают некий «продукт взаимодействия церковно-книжных представлений о богопротивнике, носителе абсолютного зла, и архаических народных верований о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве», поэтому указанные термины в народной демонологии трактуются неоднозначно: «как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» (Березович, Виноградова, 2012: 519). Представляется, что семантический перенос здесь выглядит так: *бес* / *чёрт* / *дьявол* / *сатана* / *шайтан* ‘любой представитель нечистой силы, любой демон’ → ‘дух-«хозяин» локуса’. Такое же сужение семантики претерпевают, по нашему мнению, и эвфемистические названия демонов (*ишии*, *злой дух*, *нечисть*, *нечистый*, *нечистая сила*, *отпадшая сила*, *непонятная сила*, *окаянный*).

Помимо перечисленных, к данной группе номинаций духов-«хозяев» следует отнести также единицы *враг* (банник, леший), *страм* (леший) и *страмина* (леший): *Да, вот у Якуниной воды враг водит* (Филипповка Кунг.); *Он [леший] как человек же, большой, де. А тожно сено гребли, как копну схватит, даже через Каму перебросил копну сено. Вот страм* (Кривцы Кос.) (Русские: 224); *Подыграл, де кто-то, подыграл.*

Вот, видно, который в лесу живёт. Вот он, *страмина* (Кривцы Кос.) (Русские: 225).

Что касается слова *враг*, то оно образовано от общеславянского корня *vorg, который развил семантику по следующей модели: ‘изгнанный из рода’ → ‘отверженный, изгой’ → ‘враждебный роду, неприятель’ (ЭС 1: 148). Впоследствии указанный корень получил негативную коннотацию ‘недруг, приносящий зло’, на основе которой у него развилась новая семантика: «ворог, враг – распространенное название нечистой силы, черта. Оно возникло в связи с традиционными представлениями о нечистой силе, особенно о Сатане, чертях, как о “врагах рода человеческого”» (Власова, 1995: 111). Таким образом, словом *враг* стали обозначаться любые представители нечистой силы, а затем произошел такой же семантический перенос, как и в описанном выше случае: ‘любой представитель нечистой силы, любой демон’ → ‘дух-«хозяин» локуса’.

Слово *страм* (лит. *срам*) развилось из корня *soṛm, родственного корням со значением ‘досада, печаль, оскорбление’ (Фасмер 3: 724). Далее, вероятно, мифологическая семантика у данного слова развилась по следующему пути: ‘досада, печаль, оскорбление’ → ‘то, что оскорбляет, вызывает отвращение и стыд’ → ‘что-то грязное, нечистое’ (ср.: словом *страм* в диалектах могут называться выделения из тела человека, мусор, нечистоты (СРНГ 41: 279)) → ‘нечистый, чёрт, бес, сатана’ → ‘дух-«хозяин» локуса’.

Кроме того, пермские названия духов локусов иногда мотивированы номинациями других персонажей: *соседушка-буканушка*, *суседушко-буканушко* (домовой), *баба-ёжка* (банник), *уберениха* (леший): *Парень из сеней вернулся и говорит: «Суседушко-буканушко, пойдём со мной вместе служить»* (Быстрая Усол.) (УД: 129); *На Рождество и на Святки топят баню, а ходить туда нельзя. Бесы пляшут в бане и бабы-ёжки; Бабушка тоже нас пугала: «Не бегайте допоздна-то, уберениха утаишь!»*. *Скажет, значит, ещё «утаишь!»*. [Как она выглядит?] *Ну это сродни Бабы Яги. [И2:] Да-да, чё-то наподобие, то что всегда пугали детей вот и этой бобой, и этой уберенихой.* [Нам рассказывали, что видели в лесу, что она выглядит как женщина с распущенными волосами выше леса]. [И2:] *Кто-то где-то, может, и видал, я не знаю. Нечистая сила* (Красновишерск) (там же: 129).

Здесь мотивационная модель отличается от рассмотренных выше, в общем виде ее можно обозначить как ‘персонаж, которым пугают детей’ → ‘дух-«хозяин» локуса’. Так, слово *буканушка* образовано от слова *бука*, обозначающего «фантастическое страшилище, которым пугают детей; таинственное существо в пустых постройках, в лесной

глухомани» (Власова, 1995: 63); *баба-ёжка* происходит от номинации *баба-яга*, обозначающей ведьму или злой дух в облике безобразной старухи, живущей в лесу; этот персонаж часто упоминается в сказках (там же: 369) и ею также часто пугают детей. Вероятно, признаки страшного облика и обитания в лесу дают толчок к осмыслению этого персонажа в пермской традиции как мифологической хозяйки леса. Номинация *уберениха*, как представляется, родственна слову *обороника*, обнаруженному нами в (КПСР: 86) со значением ‘чучело, пугало’, где значимой, на наш взгляд, является сема ‘страх; то, что вызывает страх’, отсюда у рассматриваемой единицы развивается семантика ‘страшный, пугающий’ → ‘существо, которым пугают детей’. Кроме того, как видно из приведенного контекста, рассматриваемый персонаж является аналогом бабы-яги (ср. также коми-язьвинскую сказку «Леший и Оборениха» (Паршакова, 2000)). Следовательно, логика развития семантики здесь схожа с предыдущим случаем: ‘нечистая сила в облике страшной старухи, проживающей в лесу’ → ‘демон, дух-«хозяин» локуса’.

Единицами сферы «Демоны», на наш взгляд, также мотивированы собственные имена *Кузя-то поймает его* (Б. Букор Чайк.) (СРГЮП 1: 440); [А вы говорили, что в дом домовый есть. Как его называли?] У меня *Кузька*. Это я сама придумала (Материалы). Мы предполагаем, что указанные номинации духа дома родственны слову *кузутик*, которое называет «нечистого духа, чертика» (Власова, 1995: 196). Таким образом, номинации *кузя* и *Кузька* первоначально обозначали нечистого духа вообще, а затем стали использоваться по отношению к конкретному духу локуса – домовому – и превратились в его имена.

Мотивационная сфера «Человек»

3. Следующей тематической сферой, единицы которой выступают мотивирующей базой для номинаций духов-«хозяев» в пермских говорах, является сфера «Человек». В ее рамках значимыми для образования рассматриваемых единиц являются несколько подгрупп лексики.

3.1. Первой мотивирующей подгруппой являются **общие названия человека**, которые послужили основой для таких номинаций духов-«хозяев», как: *человек* (все духи), *человечек* (домовой, леший), *человек-домовой* (домовой), *мужчина*, *мужик*, *мужичок* (домовой, леший), *дядя*, *дядька* (леший), *дяденька* (домовой, леший), *дядечка* (леший, банник), *женщина* (все духи), *баба* (домовой, леший): *Сын пошёл поздно вечером*

в баню фотоаппарат заряжать. <...> Посмотрел <...>, увидел небольшое что-то, от него исходило это тусклое свечение, постепенно этот предмет увеличивался в размерах, это «что-то» принимало форму **человека**, маленького старичка (Очёр); Вот уснуть-то не успела шишио, гляжу, а из-за печки ко мне **мужичок** выходит, махонький такой. Подошел ко мне и с ног-то так шишупат, шишупат. <...> Я ему и говорю: «Суседушко, батюшку, отпусти ты меня. Да я, суседушко, никуда не уеду больше, не оставлю тебя одного» (Б. Кусты Куед.) (ББ: 94–95); Вот он раз поехал и в одной избушке остановился спать. А рыба ему в тот день не попала. Заходит в избушку, а там **дяденька** сидит, ходил по бересту и заплутал (Русские: 283); Один мужик рассказывал, шел он как-то по дороге, вдруг вихорь рядом пронесся. Он взял ножик, в него бросил, а вихорь-то исчез. <...> Через год он в лес пошел. Пошел, да и заплутал. Бродил, бродил, да и вышел на какую-то поляну, а там дом стоит. Мужик-то удивился, но в дом зашел. А там его **женщина** встретила, обычная **женщина**, дети обычные тоже. <...> Вот побывал у лесного дома (Караг.) (КС: 90-91).

Все приведенные номинации отражают народное представление о том, что духи-«хозяева» могут принимать антропоморфный облик (Будовская, 1995: 137; Левкиевская, 1999: 121; Левкиевская, 2004: 105). Мотивационную модель в этом случае можно представить как ‘человек’ → ‘дух-«хозяин» в облике этого человека’.

3.2. Указанная схема реализуется также и для единиц, образованных от **названий человека по возрасту**. К этой группе относятся следующие номинации рассматриваемых персонажей: *бабушка* (банник, леший), *дед* (леший), *дедушка*, *дедушко* (домовой, леший), *дедка-суседка*, *дедушка-соседушка*, *дедушка-братаушка*, *дедушко-батюшко* (домовой), *Соломея-бабушка*, *Соломонида-бабушка*, *банна бабушка* (банник), *лесная бабушка*, *лесной дедушка*, *лесовой дедушка* (леший), *старик* (все духи), *старикашка* (домовой), *старичок* (банник, леший), *старуха* (домовой, леший), *старушка* (все духи), *старушоночка*, *старушка-домовушка* (домовой), *девка* (банник, леший), *девушка* (леший), *парень* (банник, леший), *паренёк* (домовой), *мальчик*, *ребёнок*, *ребёночек* (домовой). Приведем фрагменты текстов: *В бане есть Банна парушка – банно дедушко* (Парфеново Кудым.) (Русские: 237); *Маша была дома и пела песни. <...> Старушка-домовушка говорит: «Перестань, а то удушу!» Маша закричала, а старушка испугалась и обратно за печку убежала* (Редикор Черд.) (ББ: 92); *Мать-то эта послала дочь свою в лес. А та шла по лесу и видит старичка, добренького такого* (Материалы); *Иду я как-то домой, захожу в сени, и как-то тихо у меня получилось. Смотрю, сидит на крыльце то ли*

ребёнок, то ли карлик лохматый, в лаптях, в рубахе суконной. Повернулся он ко мне, а морда-то у него страшная, глаза большие, брови косматые, изо рта клыки точат, и весь какой-то чёрный. В общем, страшный. <...> [А кто это был?] Да домовый шалил (Материалы).

Все указанные номинации, как и единицы группы, рассмотренной выше, отражают народные представления об оборотничестве духов-«хозяев», об их способности принимать антропоморфный вид. При этом можно заметить, что в пермской традиции все три исследуемых персонажа чаще всего предстают в облике старых людей, что отражается в диалектном языке большим количеством названий, образованных от корней *-дед-*, *-баб-* и *-стар-*. Отметим, что такое положение может быть связано с тем, что происхождение духов-«хозяев» в народной культуре нередко связывается с душами умерших предков рода (подробнее об этом будет сказано ниже).

3.3. Следующей мотивационной подферой для возникновения названий духов-«хозяев» в пермских говорах выступают **названия родственников**. Так, в пермской традиции существуют такие номинации рассматриваемых демонов, как *брат* (леший), *дядя* (леший), *муж* (банник, леший), *жена* (леший), *отец*, *папа* (леший), *мать* (банник), *бабушка* (банник, леший), *дед* (леший), *дедушка* (все духи), *батюшка* (все духи), *братанушка* (домовой), *батюшко-парушко* (банник), *батюшко-соседушко*, *дедушка-братанушка*, *дедушка-соседушка* (домовой), *Соломея-бабушка*, *Соломея-матушка* (банник), *суседушка-братанушка*, *суседушка-браток* *суседушко-батюшко-братанушко* (домовой), *банная бабушка* (банник), *батюшка лесной* (леший), *батюшко милостивый* (домовой). Приведем контексты: *Из-под окна дедушко-от лесной и увел сына. Нашли – он говорит: «Я ходил с папой. Он никому не велел рассказывать. Ягодами кормил»* (Касиб Сол.) (ББ: 74); *Бабушка моя сказывала. Пошла одна женщина в баню, а говорят, что нельзя роженице одной в бане мыться. К ней банник вышел, а она моет ребенка, ей кажется, что мать пришла* (Данькова Черд.) (там же: 135); *Прежде чем затопить, попроси разрешения: «Дозволь, батюшка, баньку истопить»* (Нердва Караг.); *Всегда, когда я в дом захожу, к соседушке обращаюсь: «Дедушко-соседушко, вот тебе соль да хлебушко, сам ешь да мою семью корми»* (Гайн.) (Русские: 234); *А мы вот только скотинушку покупали, заводили ее в хлев, говорили: «Суседушко-матушко, прими-ко мою скотинушку. Люби ее, уважай ее!»* (Половодово Сол.) (ББ: 109); *В новый дом приходишь и называешь домового: «Суседушко-братанушко, пошли к нам в дом, на другую квартиру ли»* (Касиб Сол.) (ЗС: 170); *Из летней в зимнюю избу*

переходят и говорят: «Суседушко-батюшка, пошли с нами» (с. Половодово Сол.) (там же); Когда заходишь в баню, говори: «Батюшко-парушко, Соломея-бабушка, пусти нас помыться, пробелиться, погреться, попариться» (КС: 83).

В номинациях духов, образованных от терминов родства, по нашему мнению, отразилось несколько народных верований о персонажах и прослеживается несколько мотивационных моделей.

Во-первых, это представление об оборотничестве рассматриваемых духов, которые могут принимать облик любого человека, в том числе и любого члена семьи (Левкиевская, 1999: 121; Левкиевская, 2004: 105). Описанное верование ярче всего проявляется в тех номинациях, которые называют облик персонажей и образованы от терминов родства путем простого семантического переноса по модели 'родственник' → 'дух-«хозяин»' локуса в облике этого родственника' (сюда отнесем такие номинации, как *брат, дядя, муж, жена, отец, папа, мать*).

Что касается названий духов, образованных от номинаций старших родственников (*дедушка, бабушка, бабушка, матушка*), то здесь можно видеть народное восприятие рассматриваемых персонажей как душ умерших предков. Так, домовый «считается умершим членом семьи, первопредком рода (в.-слав.); умершим членом семьи, который за грехи назначен Богом в услужение живым домочадцам» (Левкиевская, 1999: 121); что касается банника и лешего, то люди признают главенство каждого из этих духов как «отца», подобно тому, как сами крестьяне выступают в роли хозяина-кормильца для своих домашних животных (Качинская, 2018: 21). Таким образом, мотивационная модель в данном случае выглядит как 'родственник старшего поколения' → 'предок' → 'дух-«хозяин» (как предок рода)'.

Еще одна мотивация использования терминов родства в названиях духов-«локусов» видится в стремлении носителей традиции задобрить персонажей, расположить их к себе и таким образом защититься от возможного вредоносного воздействия со стороны демонов при коммуникации с ними. Как известно, в народной культуре одним из способов защиты от различных вредоносных явлений и мифологических существ является кумление или братание с объектом опасности, для чего используются номинативные единицы с двухкомпонентной структурой (*батюшко-парушко, Соломея-матушка, суседушка-браток* и под.), которые встречаются в пермской традиции почти исключительно в текстах апотропеических формул, содержащих какую-либо просьбу человека к духу, и выступают в функции обращения к демону. В подобных номинациях проявляется не столько указание на облик персонажа, сколько желание задобрить духа,

обозначив его как своего родственника (бабушку, матушку, дедушку, бабушку, братанушку и т.д.). При этом задабривающая семантика таких обращения часто усиливается за счет использования суффиксов субъективной оценки с ласкательным значением (-ушк-/юшк-, -ек-/ок-). Мотивационную модель в этом случае можно представить следующим образом: 'родственник' → 'дух-«хозяин» как родственник'.

3.4. Следующей подгруппой слов, мотивирующих номинации рассматриваемых демонов в пермских говорах, является подгруппа «**Названия соседей**». Отметим, что номинации разных духов, образованные от названий соседей, обнаруживают две различные мотивационные модели. Так, в пермских материалах находим номинацию лешего *сосед*: *Материн отец пошел в лес за коровой <...>. Она блудила по лесу, а дед пошел искать её. Зашёл в лес, где-то брякает колокол. Сел дед на пенёк и решил закурить трубочку. Из лесу выходит сосед Ксенофонт: «Ну что, Егорыч, посидим, покурим». Сел, ногу на ногу, и дед увидел у него бычьи копыта. <...> Тогда дед узнал, что это леший (Добрянка) (ББ: 57–58); Шла я с работы вечером домой. Навстречу мне идёт дядька с грибами, сосед. «Пойдем, – говорит, – вместе». Я пошла. <...> Нужно возвращаться, а дорогу найти обратно не могли. <...> А мне мама и говорит: «Лешак тебя носил» (Чёрное Сол.). В этих текстах рассматриваемая номинация указывает на облик персонажа, в котором он показывается человеку. Следовательно, здесь реализуется представление об оборотничестве лешего. Мотивационная модель в этом случае выглядит следующим образом: 'человек, живущий по соседству' → 'дух-«хозяин» в облике такого человека'.*

Однако в пермских текстах обнаруживается еще одна большая группа названий духов, которые, как представляется, реализуют другую мотивационную модель: *суседушко-лесной* (леший), *соседка* (банник), *сосед*, *соседка*, *соседушка*, *сосед*, *суседиха*, *соседка*, *соседок*, *суседушко*, *сусидчиха*, *батюшка-суседушка*, *дедка-соседка*, *дедушка-соседушка*, *домовой-соседушко*, *соседушка-баратушка*, *соседушка-буканушка*, *соседушко-братушко*, *соседушко-матушко*, *сосед-суседушка*, *сусека-домовой*, *суседко-батюшка*, *суседушка-сударушка*, *суседушко-баседушко*, *суседушко-боледушко*, *суседушко-буканушко* (домовой). Приведем фрагменты текстов: *Суседки у нас были в банях.* (Корнино Черд.); *Скотину потеряют, на пенек просто кусочек хлеба кладут: «Суседушко-лесной, – скажут, – скотина потерялась...»* (д. Пильва Куед.) (КБ: 17); *Соседка скоту плетени плетет, если не ко двору, и мать ему может не нравиться, вместо черной купят пеганую если, вот он ее и мает* (Тиминая Юрл.) (Русские: 235); *А если переезжаешь на*

новое место, то первую в дом пускают кошку. Если *дедка-соседка* полюбит кошку, то и вас тоже полюбит (Куеда) (КБ: 29); Мы когда переезжали сюда, я пригласила: «Ну, *суседушко-братанушко*, мы поехали, и ты айда с нами. Не оставайся от нас» (Краснояр Куед.) (там же); А приглашение надо дать: «*Суседушко-батюшко-братанушко!* Я уезжаю, поедем со мной вместе!» (Ефремова Юрл.) (ЮК: 275), В доме <...> *есть сусека*. [Сусека?] *Сусека почему-то*. <...> Вот она так говорила, что в доме живёт *сусека-домовой* (У.-Зула Юрл.).

На наш взгляд, такие номинации обозначают не облик духа-«хозяина», а его отношения с человеком, т.е. отражают народное представление о том, что эти персонажи живут рядом с людьми. Особенно это актуально для домового, который «делит» с человеком его жилище, т.е. является соседом по дому. Очевидно, именно этим объясняется наличие в пермских говорах столь широкого спектра номинаций духа дома, образованных от названий соседей.

Следует также отметить, что многие из перечисленных выше единиц часто используются в апотропейческих формулах в качестве обращений к духам (см. приведенные отрывки из текстов). Такое положение можно объяснить, как и в случае с использованием в вокативной функции номинаций, содержащих термины родства, тем, что таким образом человек стремится наладить с духом-«хозяином» дружеские отношения, обозначив его как соседа, т.е. «своего», а не «чужого» (каким по факту является для человека демон), и тем самым избежать возможного вредоносного воздействия со стороны персонажа или наладить с ним контакт, чтобы он помог человеку. Этим же объясняется включение в структуру таких номинаций суффиксов субъективной оценки с ласкательным значением (-ушк-/-юшк-, -к-).

Таким образом, мотивационную модель здесь можно обозначить как ‘человек, живущий по соседству’ → ‘дух-«хозяин» как сосед человека по локусу’.

3.5. Иногда единицы, называющие духов-«хозяев», образуются от лексики подсферы «**Названия друзей / знакомых**». К таким названиям можно отнести следующие: *подруга, подружка, знакомый* (леший), *товарищ мой* (домовой): *Один мужик с одной же подругой ходил, с женщиной. Он договорились с ней встретиться. <...> Вот он видит вечером, она идет. <...> Она пошла в лес, сверху стала спускаться. Лест-то начал нагибаться, и такой шум в лесу стал, он в лес-то и убежал. «Я совсем не собиралась», – подруга-то ему потом говорит (КС: 91); Мы как-то по ягоды пошли. Я смотрю, моя подружка всё в лес дальше и дальше уходит. <...> Тут я перекрестилась, смотрю – нет никого, и подружки нет, лешачиха это была (Пермь); Потом того мужика*

лесной задавил. <...> Ночью к нему злые духи пришли: «Женись», – говорят. А они вид приобрели знакомых его (Меча Киш.) (там же); Пойдут из дома, приговаривают: «Товарищ мой, пойдем со мной» (Дубровка Юрл.) (Русские: 193).

Как представляется, здесь, как и у единиц предыдущей группы, можно наблюдать две мотивационные модели. Как видно из приведенных отрывков, номинации лешего описывают его облик, а значит, отражают представления об оборотничестве духа. Мотивационная модель для этих названий такая: ‘друг, знакомый’ → ‘дух-«хозяин» в облике этого знакомого’.

Что касается указанной номинации домового, то, как видим, она выступает в качестве обращения к духу дома в составе формулы, следовательно, здесь реализуется апотропеическая семантика этой единицы: человек стремится задобрить демона, называя его товарищем, другом. Обережная семантика здесь усиливается за счет использования притяжательного местоимения *мой*. Таким образом, мотивационная модель здесь другая, чем в предыдущем случае: ‘друг, знакомый’ → ‘дух-«хозяин» как друг’.

3.6. В рамках мотивационной сферы «Человек» можно выделить еще одну подсферу, значимую для образования номинаций духов-«хозяев» в пермских говорах – это подсфера «**Названия человека по статусу**». Здесь четко выделяются две группы названий.

3.6.1. Во-первых, это **единицы, образованные от лексемы хозяин**: *хозяин* (все духи), *хозяюшка*, *хозяин бани*, *банный хозяин* (банник), *хозяин домовый*, *хозяин наш*, *хозяюшко домовый*, *хозяюшка домовая*, *хозяюшко-батюшко* (домовой), *лесной хозяин* (леший): *Любишь в баньке мыться? А там ведь тоже хозяин есть. За печкой живёт, банником называют* (Нердва Караг.); [А правда, что в бане тоже кто-то живет?] **Банный хозяин** (Чёрмоз Ильин.); *Домовой в каждом доме есть. Когда захочешь счастливо жить, при переезде в новый дом, скажи: «Хозяин, поиди со мной»* (Филатово Ильин.); *Суседко есть у каждого. Если в доме три человека, то на каждого есть свой хозяин* (Ефремова Юрл.) (Русские: 233); *Домовой у меня тоже корову гонял. Домовой – хозяин* (Живые Кудым.) (там же: 236); *В лесу тоже хозяин есть, леса без хозяина не бывает* (Урталга Куед.) (КБ: 15); *Он [старик] знался с лесным хозяином* (Н. Зырянка Усол.).

В приведенных номинациях отражается важное для носителей традиции представление о том, что рассматриваемые персонажи осмысляются как «безраздельные хозяева, владеющие определенным пространством, регламентирующие всю жизнь в нем и распоряжающиеся его богатствами» (Левкиевская, 1999а: 155).

Мотивационная модель для этой группы лексики выглядит как ‘собственник, владеющий каким-л. имуществом’ → ‘дух, владеющий определенным пространством (локусом)’.

3.6.2. Во-вторых, к рассматриваемой подсфере следует отнести номинации духов, образованные от **обозначений высокого социального статуса**. Это такие единицы, как: *банная староста*, *банный староста*, *батюшка банный царь* (банник), *соседушко-атаманушко*, *господин домовой* (домовой). Они встретились нам в следующих отрывках: *А в баню идти – надо набиваться к банной старосте. <...> На сколько ты идешь, у банной старосты напрашиваешься: «Банная староста, пусти меня!»* Ну, на квартиру к ей, как говорится (Петрецово Черд.) (ББ: 131–133); *«Батюшка банный царь, пойдём в новую баню, простися с этими стенами, все, мы ее будем разламывать, не будет этой бани, все, пойдём со мной в новую баню* (Поселье Усол.) (УД: 196); *Дома была одна, уснула. И вижу, вроде как мужик бежит. Поймал меня и стал давить [А что в этом случае надо говорить?]* *«Соседушко-атаманушко, к чему давишь?»* (Седуны Сив.); *Наша же вся культура построена на уважении, на почёте, если считаешь этого господина домового, то и он и сытый, и за хозяйством будет следит, если соблюдаешь его требования* (Северный Коммунар Сив.).

Рассматриваемые единицы образованы соответственно от лексем *староста*, *царь*, *атаман*, *господин*. Такая мотивировка связана с народными представлениями о том, что все рассматриваемых духи управляют своим локусом и главенствуют над всем, что в нем есть, в том числе над человеком, оказавшимся в его владениях. При этом человек должен признавать главенство демона и почитать его, что обуславливает использование подобных номинаций при обращении к персонажам: называя их таким образом, человек стремится показать им свое уважение и так защититься от возможного вредоносного воздействия. Мотивационную модель в данном случае можно представить как ‘высокий социальный статус’ → ‘дух-«хозяин» локуса как носитель такого статуса по отношению к человеку’.

3.7. Следующая группа лексики в рамках мотивационной сферы «Человек», значимая для образования номинаций духов локусов, – **этнони́мы**. От них образованы такие номинации, как *китаец* (банник) и *татарин* (леший), а также собственное имя духа леса *Еврей Евреевич*: *Пришла в баню, да жарко. Чё-ко опять легла на лавку. Видится мне во сне: пришел китаец, меня под задницу пинает* (Искор Черд.) (ББ: 121–122); *И пошла, это, по дороге, по лесу. А дороги-то ить не знаю. И идёт татарин: удочка на плече с узелком да ещё котелок. «Ой, –*

думаю, – пойду за ним». От иду да помалкиваю. Тама ручеёк да бревешко. Я за им по бревешку-ту и перешла. Перешла, гляжу, это, а он и пропал! А я тутто и вовсе дороги не знаю – лес да и всё! (Пермь); *Бывает, леший корову утянет. Тогда бумажку, письмо ему пишут: «Уважаемый Еврей Евреевич, выдай мне корову, такая-то, такая-то, кто хозяин»* (Юм Юрл.) (Русские: 196).

Первые две из указанных номинаций, как представляется, образованы по следующей модели: ‘представитель иного этноса’ → ‘дух-«хозяин» в облике представителя иного этноса’. Эти единицы отражают представление об оборотничестве духов-«хозяев».

Кроме того, в рассматриваемых названиях демонов, как представляется, отражается одна из базовых оппозиций традиционной культуры – «свой» – «чужой», которая «соотносится с такими оппозициями, как хороший – плохой, праведный – греховный, чистый – нечистый, живой – мертвый, человеческий – нечеловеческий (звериный, демонический), внутренний – внешний» (Белова, 2009: 581). Для нашего анализа важным здесь является соотношение «свой» («человеческий») – «чужой» («нечеловеческий»). Дело в том, что в деревенском сообществе представители иного этноса всегда воспринимаются как «чужие». С другой стороны, любой демон – это представитель «нечеловеческого» мира, следовательно, также воспринимается людьми как «чужой». Поэтому нам видится отнюдь не случайным наличие в пермских говорах номинаций духов-«хозяев» через этнонимы (этим же можно объяснить появление у лешего имени *Еврей Евреевич*, ведь здесь нет указания, что он выглядит как еврей). В этом случае развитие у этнонимов мифологической семантики можно представить следующим образом: ‘представитель иного этноса’ → ‘чужой’ → ‘дух-«хозяин» локуса’.

3.8. Еще одной подгруппой мотивирующих единиц для названий духов локусов в пермских говорах являются глаголы, обозначающие различные действия человека. Так, мы обнаружили следующие номинации, образованные от глаголов: *барабашка* (домовой) ← *барабанить*; *батюшко-парушко*, *Соломея-парушка*, *банна парушка* (банник) ← *парить(ся)*; *помощник* (леший) ← *помогать*; в эту же группу мы включили отглагольную номинацию банника *блзнила* от глагола *блзнить*, который в текстах часто употребляется в безличном значении. Укажем контексты: [А домового как-то называют?] *Никак не называют. Вот барабашкой называют. Суседкой редко... не называют. Барабашкой только чаще всего говорят* (Красновишерск); *Баню истопишь, спрашивайся: «Матушка-банюшка, Соломея-парушка, пусти-ка меня попариться, помыться, попарить себя»* (КС: 83); Как-

*то раз девка ему посулила, что в баню придет. Парень-то сидел, ждал-ждал ее в бане, вдруг поблазнилось ему, что она зашла, а вроде и не она <...> На следующий день у девки и спрашивает, приходила она или нет. Она сказала, что нет. **Блазнила** это ходил (Тетерино Сол.) (ББ: 119); **Помощник**, говорят, есть в лесу. Кто потеряется, он де поможет искать, хоть человека, хоть скотину (Пож Юрл.) (Русские: 228).*

Рассматриваемые номинации отражают народные представления о функциях и действиях духов-«хозяев». При этом проявляется антропоцентричность традиционной культуры, в том числе и миологических верований, связанных с «нечеловеческим» миром, но описываемых по аналогии с человеком. Так, если человек может барабанить, париться в бане, помогать другим, то и духи локусов тоже могут делать это. Например, домовый, согласно поверьям, имеет семью, причем ее состав в точности повторяет состав человеческой семьи в этом доме, а жизнь семьи домового повторяет жизнь семьи человека; при этом персонаж выполняет те же хозяйственные работы в доме, что и жильцы (Левкиевская, 1999: 122–123); банник также имеет семью и моется (парится) в бане в третий пар (Криничная, 2004: 87–88); леший также имеет семью и свой дом в лесу (Левкиевская, 2004: 106). Исходя из сказанного, мотивационную модель возникновения отглагольных номинаций духов можно представить в следующем виде: ‘действие человека’ → ‘действие духа-«хозяина» локуса’ → ‘дух-«хозяин» локуса’. Таким образом, описанные мотивационные отношения проявляются как на уровне семантики, так и на уровне словообразовательной структуры слова (в номинация присутствуют суффиксы лица по действию).

Другие мотивационные сферы

4. Часто на территории Пермского края фиксируются номинации духов локусов, мотивированные единицами сферы «Животные». В наших материалах встретились названия, образованные а) от зоонимов: *зверёк* (домовой), *зверь* (леший), *баран*, *барашек*, *телёнок*, *корова* (леший), *кот*, *котёнок*, *кошка* (домовой), *кошка* (леший), *собака* (банник, леший), *щенок* (банник), *медведь* (леший), *ласка* (домовой), *мышь*, *мизгирь* (домовой); б) от орнитонимов: *птичка* (леший), *курица*, *ласточка-касатка* (домовой), *ворона*, *филин*, *птичка-филин* (леший). Приведем некоторые отрывки: *Вдруг в баню заходит эта собака. Тётку за шею и поволокла в каменку* (Половодово Сол.) (ЗС: 147); *Утром проснулся, на животе домовёнок спит, маленький, серый, теплый. <...>*

Он серый такой, на кошку похож (Пожва Юсьв.) (Русские: 233); А при домах ещё жил зверь ласка. Утром выйдешь: конь стоит, а у него грива вся в косицах. И конь мокрый, потому что ласка по нему бегаёт и цекочет его (Искор Черд.); Раз мужик едет на санях, возле него баран бегаёт. <...> Это леший был (Акчим Краснов.) (ВС: 30–31); Вот как только ни придём спать – каждый вечер, ночью, курица по дому бегаёт, только перья летят. А как она выйдет – это домовой, значит. Встанем все – никого нигде нету, а курица ходит по дому (Всеволодо-Вильва Алекс.); Пошли по землянику, идем, а перед нами птичка-филин скачет. Стали мы птичку ловить, не догадались, куда по лесу-то пришли, ушли по Заречному лугу, а вышли в Сорочи. Нас дома-то уж смекают, мы одежду выворотили, переодели, только тогда от лешака-то ушли (КС: 89).

Все перечисленные номинации отражают народные представления об оборотничестве духов-«хозяев», которые могут принимать не только антропоморфный, но и зооморфный облик: домовый может принимать вид любого животного, особенно кошки, зайца, собаки, теленка (в.-слав.), может иметь вид змеи (рус., бел.), медведя (Левкиевская, 1999: 121); леший также может превращаться в любого зверя и птицу, часто – в волка, в зайца (Левкиевская, 2004: 105). Как видно из приведенных примеров, пермские духи принимают вид тех животных, которые характерны для климата России и Пермского края в частности. Единственное исключение – домовый в облике обезьянки: *Его всё равно в разных образа представляли, домового. <...> А так вообще даже его маленьким человечком каким-то представляли. Ну вот похожим на человека. Может быть, там типа обезьянки (С. Коммунар Сив.).*

Таким образом, мотивационная модель здесь выглядит как ‘животное’ → ‘дух-«хозяин» в облике этого животного’.

5. Еще одной мотивационной сферой для номинаций рассматриваемых персонажей выступает сфера «Предмет». В этом случае названия демонов отражают народные представления о том, что духи-«хозяева» могут принимать облик не только различных существ, но и неживых объектов. Мотивационная модель здесь выглядит как ‘предмет’ → ‘дух-«хозяин» в облике этого предмета’. По этой модели образованы номинации *грабли* (банник), *копна*, *комок* (домовой), *пень*, *пенёк* (леший): *Только начала мыться, а ей с потолка на голову словно грабли тянутся. Она испугалась и домой побежала. А это ее банник страшиал за то, что поздно в баню пошла (Данькова Черд.) (ББ: 119–120); Первого мужика в армию отправила. Ночью было. Вижу, шумело только за печью, испугалась, чую, как копна катится ко мне. Дак вдруг че-то надавит на колени, на ноги-то, и в рот мне дунет. А я-*

то: «К добру ли, к худу ли?» Мне в рот-то и дунуло: «К худу». И вот похоронка пришла (Касиб Сол.) (ББ: 97); Соседка говорила. Побежала я раз вечером на улицу, смотрю: из леса катится такой **комок**, раз-скок, раз-скок, раз-скок. На нём рубашка, русоволосый, как мужик, без рук, без ног. Ростом маленький (Лысьва) (СРГЮП 1: 405); У нас мама покойная ходила. Смотрит, а вокруг стога бегают леиачиха, а за ней-то мужики с крестом. А как крест-то накинудли, думали баба, а она – **пень** (Б. Долды Черд.) (ББ: 54–55).

6. Наконец, в наших материалах есть единицы, образованные от слов сферы «**Атмосферные явления**». К таким единицам можно отнести следующие: *вихор*, *вихорь*, *вихрь*, *ветер*, *ветряной*, *ветряной дедушка*, а также имена собственные *Вихрь Вихрович* и дядя *Виктор*: *Сильный ветер-то, буря-то живёт – это леший, вихрь называют* (Таволжанка Юрл.) (Русские: 222); *Меня, видно, ветряной дедушка расшиб.* **Ветряной** – это какой-то дедушка, он расшибает (Бияваш Окт.) (СРГЮП 1: 222); *В бумажках писали: «Вихрь Вихрович, отдай телёнка живого или мёртвого, а то я на тебя подам в суд»* (У.-Зула Юрл.) (Русские: 228).

Все приведенные единицы относятся только к одному духу – к лешему, поскольку только его появление в народной культуре связывается с различными погодными явлениями, особенно с бурей, вихрем или резким ветром (Левкиевская, 2004: 105). Указанные названия образуются по модели ‘атмосферное явление’ → ‘дух-«хозяин» в облике этого явления’, причем имена нарицательные иногда дают почву для возникновения у лешего имен собственных типа *Вихрь Вихрович*; по фонетическому созвучию со словом *вихрь* персонаж в некоторых районах края получает имя *Виктор*.

Заключение

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1.1. Основной мотивационной базой для названий духов-«хозяев» локусов в пермских говорах являются единицы семантической сферы «Человек», причем наиболее значимыми являются названия людей по возрасту (особенно старых людей), названия родственников (особенно старшего поколения); номинации домового часто мотивированы названиями соседей. Меньшее количество номинаций духов образовано от общих названий человека, названий знакомых, обозначений человека по статусу, этнонимов и названий действий человека.

1.2. Далее по значимости следуют мотивационные сферы «Пространство» и «Демоны», от единиц которых также образуется достаточно большое число номинаций духов локусов.

1.3. Наименее важными для образования рассматриваемых единиц являются сферы «Животное» и «Предмет». Единицы сферы «Атмосферные явления» мотивируют названия лишь одного духа – лешего.

2. В основе пермских номинаций духов-«хозяев» лежат следующие мотивационные признаки: 1) локус духа (названия, мотивированные сферой «Пространство»); 2) демоническая природа персонажей (номинации, образованные от единиц сферы «Демоны»); 3) оборотничество духов (единицы, созданные на базе слов сфер «Человек», «Животное», «Предмет», «Атмосферные явления»); 4) необходимость уважать и задабривать духов пространства (названия, созданные на базе слов сферы «Человек» – обозначений родственников, соседей, номинаций лица по статусу; указанное представление также проявляется на уровне словообразовательной структуры номинаций духов, включающей суффиксы субъективной оценки с ласкательным значением (-ушк- / -юшк-, -к-)).

Сокращения названий районов Пермского края

Алекс. – Александровский
Гайн. – Гайнский
Ильин. – Ильинский
Караг. – Карагайский
Киш. – Кишертский
Кос. – Косинский
Краснов. – Красновишерский
Кудым. – Кудымкарский
Куед. – Куединский
Окт. – Октябрьский
Сив. – Сивинский
Сол. – Соликамский
Усол. – Усольский
Чайк. – Чайковский
Черд. – Чердынский
Юрл. – Юрлинский
Юсьв. – Юсьвинский

Источники

ББ – Шумов, К.Э. (Сост.). (1991). *Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье*. Пермь: Пермское книжное изд-во.

ВС – Подюков, И.А. и др. (Сост.). (2002) *Вишерская старина: сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района*. Пермь: Изд-во ПРИПИТ.

ЗС – Подюков, И. А. и др. (Сост.). (2006). *Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района*. Пермь: Пермское книжное изд-во.

КБ – Черных, А.В. (Сост.). (2004). *Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв.* Пермь: Изд-во ПОНИЦАА.

КС – Подюков, И.А. (Сост.). (2004). *Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во.*

Русские – Бахматов, А. А. и др. (Сост.). (2008). *Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования*. Пермь: От и до.

СРГЮП 1 – Подюков, И.А. (Ред.). (2010). *Словарь русских говоров Южного Прикамья*. Вып. 1. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т.

УД – Подюков, И.А. и др. (Сост.). (2004). *Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв.* Усолье; Соликамск; Березники: Пермское книжное изд-во, 2004.

ЮК – Бахматов, А.А. и др. (Сост.). (2003). *Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв.: материалы и исследования*. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во.

Литература

Белова, О.В. (2009). *Свой – чужой*. В Толстой, Н.И. (Ред.) *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 4. Москва: Международные отношения. 581-582.

Березович, Е.Л. (2007) *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*. Москва: Индрик.

Березович, Е.Л., Виноградова, Л.Н. (2012). *Черт*. В Толстой, Н.И. (Ред.) *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 5. Москва: Международные отношения. 519-527.

Боброва, М.В. (2015). *Семантические группы лексики с корнем -бес- в русских говорах и антропонимии Пермского края*. В Ганцовская, Н.С. (Ред.) *Русские народные говоры: прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения*. Кострома: Изд-во Костромского государственного университета. 43-51.

- Будовская, Е.Э. (1995). *Банник*. В Толстой, Н.И. (Ред.) *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 1. Москва: Международные отношения. 137-138.
- Власова, М.Н. (1995). *Новая АБЕВЕГА русских суеверий*. Санкт-Петербург: Северо-Запад.
- Качинская, И.Б. (2018) *Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров)*. Москва: Индрик.
- Королёва, С.Ю. (2014). Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья). *Антропологический форум*. № 23. 52-76.
- Королёва, С.Ю., Беломестнова, А.С. (2018). Образ петуха в рассказах о кладях (на материале несказочной прозы русского и финно-пермских народов). *Традиционная культура*. Т. 19. № 5. 192-205.
- КПРС – Кривошёкова-Гантман, А.С. (Сост.). (1985) *Коми-пермяцко-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- Криничная, Н.А. (2004) *Русская мифология: мир образов фольклора*. Москва: Академический проект; Гаудеамус.
- Левкиевская, Е.Е. (1999). *Домовой*. В Толстой, Н.И. (Ред.) *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 2. Москва: Международные отношения. 120-124.
- Левкиевская, Е.Е. (1999а). *Духи локусов*. В Толстой, Н.И. (Ред.) *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 2. Москва: Международные отношения. 155-157.
- Левкиевская, Е.Е. (2004) *Леший*. В Толстой, Н.И. (Ред.) *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Т. 3. Москва: Международные отношения. 104-108.
- Паршакова, А.Л. (Сост.) (2000). *Сборник коми-язьвинских сказок*. Пермь.
- Подюков, И.А. (2014). Русские заимствования в коми-пермяцкой заговорной традиции. В *Социо- и психоллингвистические исследования*. № 2. 147-150.
- Подюков, И.А. (2016). Особенности освоения русских народных мифонимов и обрядовых терминов коми-пермяцким языком. В *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. Вып. 3 (35). 20-31.
- Подюков, И.А. (2019). Ономастическое оформление картины потустороннего мира в народной культурно-языковой традиции. В *Вопросы ономастики*. Т. 16. № 3. 125-139.
- Русинова, И.И. (2019). Синтаксические модели устойчивых сочетаний с глаголом *знать* в русских мифологических текстах Пермского края. В *Филология в XXI веке*. № 2 (4). 65-71.
- Русинова, И.И. (2020). Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края). В *Традиционная культура*. Т. 21. Вып. 1. 136-148.
- Русинова, И.И., Гранова, М.А. (2016). Отражение сюжетных мотивов в номинациях домашнего и лесного (на материале мифологических рассказов Пермского края). В *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 12 (66). Ч. 2. 160-162.

- Русинова, И.И., Шкураток, Ю.А. (2018). Мотивы передачи / получения вербальной магии и их отражение в лексических единицах (на материале мифологических рассказов Пермского края). В *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. Т. 10. Вып. 4. 59-69.
- СРНГ 41 – Сороколетов, Ф.П. (Ред.). (2007). *Словарь русских народных говоров*. Вып. 41. Санкт-Петербург: Наука.
- Фасмер 3 – Фасмер, М. (1987). *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Москва: Прогресс.
- Черных, А.В. (2016). «Цвет папоротника» и представления о его чудесных свойствах в русских традициях Прикамья. В Ипполитова, А.Б. (Сост.). *Демонология и народные верования*. Москва: Изд-во Государственного республиканского центра русского фольклора. 267-278.
- Черных, А.В., Русинова, И.И., Шкураток, Ю.А. (2016). «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья. В *Традиционная культура*. № 2.62-79.
- ЭС 1 – Шапошников, А.К. (Сост.). (2010) *Этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1. Москва: Флинта; Наука.

References

- Belova, O. V. (2009). *Svoi – chuzhoi* [“Familiar” – “alien”]. In Tolstoy, N.I. (Ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar’* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 581-582. (In Russian.)
- Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvističeskije issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian.)
- Berezovich, E.L., Vinogradova, L.N. (2012). *Chert* [Devil]. In Tolstoy, N.I. (Ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar’* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 519-527. (In Russian.)
- Bobrova, M.V. (2015). *Semantičeskije gruppy leksiki s kornem -bes- v russkikh govorakh i antropimii Permskogo kraja* [Semantic groups of vocabulary with the root -bes- in the Russian dialects and anthroponymy of Perm Krai]. In Gantsovskaya, N.S. (Ed.) *Russkije narodnye govory: proshloe i nastoyashchee. Vtorye Gromovskie chteniya* [Russian folk dialects: past and present. Second Gromov readings]. Kostroma: Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 43-51. (In Russian.)
- Budovskaya, E.E. (1995). *Bannik* [Boggart of the bathhouse]. In Tolstoy, N.I. (Ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar’* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 137-138. (In Russian.)
- Chernykh, A.V. (2016). «Tsvet paporotnika» i predstavleniya o ego chudesnykh svoystvakh v russkikh traditsiyakh Prikam'ya [“Fern Color” and ideas about its wonderful properties in the Russian traditions of the Kama region]. In Ippolitova,

- A.B. (Compl.) *Demonologiya i narodnye verovaniya [Demonology and folk beliefs]*. Moscow: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo respublikanskogo tsentra russkogo fol'klora. 267-278. (In Russian.)
- Chernykh, A.V., Rusinova, I.I., Shkuratok, Yu.A. (2016). «Veshchitsa» v mifologicheskikh rasskazakh russkikh Srednego Prikam'ya [“Veshchitsa” in the mythological stories of the Russians of the Middle Prikamye]. In *Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]*. No. 2. 62-79. (In Russian.)
- Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*. Vol. 3. Moscow: Progress. (In Russian.)
- Kachinskaya, I.B. (2018) *Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira (po materialam arkhangel'skikh gorovov) [Kinship terms and linguistic picture of the world (on materials of the Arkhangelsk dialects)]*. Moscow: Indrik. (In Russian.)
- Korolyova, S.Yu. (2014). Obryad «provodov dushi» s ritual'nym zamestitel'em umershego (materialy russko-komi-permyatskogo pogranich'ya) [The ‘Farewell to the Soul’ Ceremony with Ritual Substitution of the Deceased Person (Folk Phenomena of the Russian-Komi-Permyaks’ Transgressive Zone)]. In *Antropologicheskii forum [Forum for Anthropology]*. No. 23. 52-76. (In Russian.)
- Korolova, S.Yu., Belomestnova, A.S. (2018). Obraz petukha v rasskazakh o kladakh (na materiale neskazochnoy prozy russkogo i finno-permskikh narodov) [Image of Rooster in Folk Legends about Hoards (Based on Russian, Komi and Komi-Permyak Texts)]. In *Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]*. T. 19. No. 5. 192-205. (In Russian.)
- Krinichnaya, N.A. (2004) *Russkaya mifologiya: mir obrazov fol'klora [Russian mythology: the world of folklore images]*. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus. (In Russian.)
- Krivoshchekova-Gantman, A.S. (Compl.). (1985) *Komi-permyatsko-russkii slovar'* [Komi-Permian-Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk. (In Russian.)
- Levkievskaya, E.E. (1999). *Domovoy [Boggart]*. In Tolstoy, N.I. (Ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]*. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 120-124. (In Russian.)
- Levkievskaya, E.E. (1999a). *Dukhi lokusov [Spirits of the loci]* In Tolstoy, N.I. (Ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]*. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 155-157. (In Russian.)
- Levkievskaya, E.E. (2004) *Leshiy [Wood Goblin]*. In Tolstoy, N.I. (Ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]*. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 104-108. (In Russian.)
- Parshakova, A.L. (Compl.) (2000). *Sbornik komi-yaz'vinskikh skazok [Collection of Komi-Yazvinsky Tales]*. Perm. (In Russian.)
- Podyukov, I.A. (2014). Russkie zaimstvovaniya v komi-permyatskoy zagovornoy traditsii [Russian borrowings in Komi-permyak magic tradition]. In *Sotsio- i psikholingvističeskije issledovaniya [Socio- and psycholinguistic studies]*. No. 2. 147-150. (In Russian.)

- Podyukov, I.A. (2016). Osobennosti osvoeniya russkikh narodnykh mifonimov i obryadovykh terminov komi-permyatskim yazykom [Peculiarities of mastering Russian folk mythological names and ritual terms in the Komi-permyak language]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. No. 3 (35). 20-31. (In Russian.)
- Podyukov, I.A. (2019). Onomasticheskoe oformlenie kartiny potustoronnego mira v narodnoy kul'turno-yazykovoy traditsii [Onomastic Representation of the Otherworld in Russian Popular Language and Culture]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. T. 16. No. 3. 125-139. (In Russian.)
- Rusinova, I.I. (2019). Sintaksicheskie modeli ustoychivyykh sochetaniy s glagolom znat' v russkikh mifologicheskikh tekstakh Permskogo kraya [Syntactic models of stable combinations with verb to know in Russian mythological texts of Perm region]. In *Filologiya v XXI veke* [Philology in XXI century]. No. 2 (4). 65-71. (In Russian.)
- Rusinova, I.I. (2020). Sposoby oblegcheniya smerti kolduna (na materiale russkikh mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraya) [Ways of Mitigating the Death of a Sorcerer (Based on Russian Mythological Stories from the Perm Region)]. In *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. T. 21.No. 1. 136-148. (In Russian.)
- Rusinova, I.I., Granova, M.A. (2016). Otrazhenie syuzhetnykh motivov v nominatsiyakh domovogo i leshego (na materiale mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraya) [Reflection of plot motives in the nominations of brownie and silvan (by the material of mythological stories of Perm region)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. No. 12 (66). Part 2. 160-162. (In Russian.)
- Rusinova, I.I., Shkuratok, Yu.A. (2018). Motivy peredachi / polucheniya verbal'noy magii i ikh otrazhenie v leksicheskikh edinitsakh (na materiale mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraya) [Motifs of transference / receival of verbal magic and their reflection in lexical units (a Case Study of Mythological Narratives of Perm Krai)]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. T. 10. No. 4. 59-69. (In Russian.)
- Shaposhnikov, A.K. (Comp.). (2010) *Etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian.)
- Sorokoletov, F.P. (Ed.). (2007). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 41. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russian.)
- Vlasova, M.N. (1995). *Novaya ABEVEGA russkikh sueveriy* [New ABEVEGA of Russian superstitions]. Saint-Petersburg: Severo-Zapad. (In Russian.)